

О плане венгерско-польского словаря Гиадора Стрипского

ИШТВАН УДВАРИ

UDVARI István, BGyTF Ukrán és Ruszin Tanszék, Nyíregyháza, Sóstói út 31/b, H-4400
E-mail: udvarii@zeus.nyf.hu

Abstract: Hiador Sztripszky is known to the Hungarian scientific world as a bibliographer, as an ethnographer and as a literary historian. However, little is known about his linguistic and belletristic works. His interests for scientific work were formed in the Ferenc József University in Kolozsvár and later in the museum of this town. As a student of the Ferenc József University in Kolozsvár he spent the winter semester of 1897/98 in Lemberg (Lviv/Lwów/Lvov). Later he worked as a court interpreter of Russian, Rusyn, Slovak and Polish. Studying Hiador Sztripszky's works about Ruthenian philology I ended up in Nagyszombat (Trnava) in the Literary archive of the St. Adalbert society where his posthumous papers are kept. In this collection, which unfortunately was kept for a long time under unsatisfactory conditions resulting in the loss of many manuscripts, I found an unfinished plan of a Hungarian-Polish dictionary which he started to write in the 1920s. Being an interpreter he must have felt the practical necessity of such a dictionary and as a philologist he fully understood that it would be a bridge between the two languages and cultures.

Keywords: Hungarian-Polish lexicography, Hiador Sztripszky, Hungarian-Polish contacts, manuscript-dictionaries

Гиадор Стрипский известен кругу научной общественности как библиограф¹, этнограф² и литературовед. Гораздо менее изучены его деятельность в области языкоznания³, а также его литературные произведения. Основные направления научных интересов Стрипского формировались в коложварский период его жизни — с 1897 по 1908 гг., в годы, проведенные в университете им. Франца Иосифа, где он получил прекрасное образование, а после — в стенах коложварских музеев. Еще ранее нами было отмечено, что приобретенные в Коложваре знания Стрипский непосредственно применял, адаптировал в своих рабо-

¹ См. об этом: UDVARI István, Adatok Sztripszky Hiador könyvészeti munkásságáról: Könyv és Könyvtár 20 (Debrecen 1998) 67–97; *Он же*, Sztripszky Hiador nagyszombati hagyatékának bibliográfiái vonatkozású adatai: Könyv és Könyvtár 21 (Debrecen 1999) 105–151.

² Cp.: UDVARI István, VIGA Gyula, Sztripszky Hiador és négy levele Herman Ottóhoz: Herman Ottó Múzeum Évkönyve, 38 (Miskolc 1998) 1299–1314; UDVARI István, VIGA Gyula, A néprajzos Sztripszky Hiador: Néprajzi Értesítő 81 (1999) 147–175; UDVARI István, Sztripszky Hiador néprajzi munkásságához. In: Punykó Mária (szerk.): Madarak voltunk. Beregszász–Budapest 1999. 59–79.

³ Cp.: UDVARI István, Sztripszky Hiador névtani munkássága: Magyar Nyelv 95 (1999) 412–418; *Он же*, Sztripszky Hiador a ruszin irodalmi nyelvről. In: Papp Ferenc akadémikus 70. születésnapjára. Barátok, pályatársak, tanyítványok tanulmányai, visszaemlékezései. Szerk. [ред.]: T. Molnár István, Klaudy Kinga. Debrecen 2000. 310–313.

так по этнографии и библиографии о карпатских русинах. Мы убеждены, что годы учебы в Коложваре (рум. Cluj), мировоззрение коложварской научной школы, атмосфера духовной жизни этого города определили характер деятельности Стрипского на протяжении всей его научной и творческой жизни.

В качестве студента-стипендиата Коложварского университета им. Франца Иосифа, Стрипский окончил зимний семестр 1897/98 учебного года во Львове. Огромную роль в приобретении львовской стипендии сыграл профессор этнографии коложварского университета Антал Геррманн (1851–1926). Будучи редактором серии издания «Австро-Венгерская Монархия в описании и иллюстрациях», Антал Геррманн имел широкие связи в кругу этнографов по всей Монархии⁴. За время учебы во Львове Стрипский значительно продвинулся в изучении польского языка. В более поздний период своей жизни, исполняя должность судебного присяжного переводчика, он, наряду с русским, русинским и словацким языками, выполнял письменные и устные переводы также с польского языка и на польский язык. Так, например, в письме к литератору Беле Ивани от 14 апреля 1935 г. он писал следующее: «Ваше письмо меня необычайно обрадовало, и лишь моя досада увеличивается потому, что я до сих пор не смог на него ответить. На старости лет мне приходится мучить себя первом судебного присяжного и добывать то, что из моего дохода вычитается разными редукциями; как раз недавно принесли перевод на польский почти в сто страниц, который меня настолько утомил, что за отсутствием подходящего настроения я не мог приступить к написанию ответа»⁵.

Многочисленные произведения Стрипского явно свидетельствуют о внимании, с которым он следил за достижениями польского научного мира и осведомленности в этой области. В 1908 г. на «Страницах столетий» относительно истории субботников Стрипский высказывает предположение, что трансильванские субботники своим происхождением тесно связаны с субботниками Польской империи⁶.

Нам известна предыстория этой публикации. В письме, адресованном Степану Томашивскому, читаем следующее: «Дело, которое я наметил, трудное, может Тебе показаться смешным, может — каверзным вопросом, но я выступил с ним. Речь идет о том, что здесь некий господин занимается историей старой трансильванской унитарской церкви, среди вероисповедателей которой в XVI–XVII вв. было много поляков, особенно здесь в Коложваре. В нашей библиотеке нашли целую кучу польскоязычных рукописей, перевод которых поручили мне.

⁴ Cp.: Kriza János Néprajzi Társaság Évkönyve 9 (Kolozsvár 2001) 51.

⁵ Рукописный отдел Библиотеки ВАН (MTA Könyvtára, Kézirattár), MS 9300/520; cp.: Adatok Sztripszky Hiador munkásságáról: Könyv és Könyvtár 20 (Debrecen 1988) 83. — Документы переводческой деятельности см. еще: Literárny archív Spolku Sv.Vojtechova. Trnava. Fasc. 383. № 18.

⁶ Cp.: Adalékok a szombatosok történetéhez: Századok 42 (1908) 567–568.

Я принял поручение потому, что, например, за перевод этой тетради (приложение) платят десять рейнских форинтов, однако позже я понял, что я не способен выполнить этот перевод. Печатный польский текст я бы еще перевел, но на основе рукописи не могу сделать перевод, так как даже прочтение представляет собой трудность. Могу ли я попросить Тебя взяться за перевод этих польских диспутов на русинский? Ежели пожелаешь, я уступлю тебе гонорар, или по крайней мере половину, если не оскорблю тебя этим. Дело в том, что я не хотел потерять репутацию в глазах тех господ, которые предоставляют мне побочный заработка прачей писаниной»⁷.

У фольклориста Володимира Гнатюка Стрипский в 1912 г. просит данные о публикациях произведений венгерских поэтов на украинском и польском языках в Галиции⁸.

Украинскому историку Степану Томашивскому, занимающемуся также и исследованием польско-венгерских исторических связей, он посыпает несколько номеров журнала «Столетия», и просит у него польские специальные издания: «Твои пожелания, касающиеся „Столетий“ я выполнил⁹. Собственно говоря, у Гомбоша¹⁰ также есть к тебе просьба: дай название нескольких польских исторических журналов (из Австрии, России, провинции Познань сколько имеется), с которыми Венгерское Общество Истории установило бы более близкие связи для обмена изданиями, с целью совместного обсуждения некоторых статей и тем. Впрочем, Гомбош настолько интересуется литературой по истории северного славянства, что дал мне поручение: для „Столетий“ оценивать (или по крайней мере просматривать) северную [по истории славянства] литературу»¹¹.

Стрипский перевел и подготовил к печати написанную Томашивским рецензию в объеме статьи на книгу историка Шандора Марки (1853–1925) «Ференц Ракоци II»¹². В ходе перевода объемной работы он отчитывался перед Шандором Марки так: Я уже начал работу над второй частью материалов Томашивского. Предметом темы является как раз 1707 г., польское назначение Ракоци...»¹³.

22 ноября 1933 г. учитель городской римской католической школы

⁷ Центральный державный исторический архив, Львов [ЦДИА], Фонд Томашивского, № 368, оп. 157. Полный текст письма см.: *UDVARI István, Adatok Sztripszky Hiador műfordítói munkásságáról: Könyv és Könyvtár* 21 (Debrecen 1999) 131–133.

⁸ Cp.: *Könyv és Könyvtár* 21 (1999) 135–137.

⁹ ЦДИА, Фонд Томашивского, № 368, оп. 157. Полный текст письма см.: *Udvari I., Adatok Sztripszky Hiador műfordítói munkásságáról: Könyv és Könyvtár* 21 (1999) 137–141.

¹⁰ GOMBOS Albinus Franciscus (1873–1938) учитель, историограф, в 1912–1913 гг. участвовал в редактировании «Столетий».

¹¹ Стрипский уже ранее опубликовал относящуюся к данной теме рецензию. Ср.: Éjszaki szláv történelmi szemle: Századok 43 (1910) 241–249.

¹² Cp.: *TOMASIVSZKY István, Rákóczi Ferenc és kora történetéhez: Századok* 46 (1912) 113–127, 192–208, 758–772.

¹³ Cp.: *Könyv és Könyvtár* 20 (Debrecen 1998) 79.

лы Дебрецена Ференц Воллаи, интересуясь пособием по венгерско-польской и польско-венгерской грамматике и словарями, обращается к Стрипскому¹⁴. Стрипский незамедлительно и в профессиональной форме дал ответ, как это выясняется из письма Воллаи, написанного им через пять дней 27 ноября:

Милостливый сударь!

Искренне благодарен Вам за Ваше любезное и ценное письмо; смею сказать, что я с огромным удовольствием прочел его. Я обрел сведения о многих таких вещах, о которых доныне ничего не знал. С Вашего разрешения хотел бы заранее заметить, что временами я буду беспокоить Вас своими письмами, чтобы попросить у Вас совета, руководства по некоторым вопросам. Как вижу, в Вашем лице я нашел истинно основательного человека. — ...

Один из учителей здешней гимназии пиаристов по имени Янош Гуляш в ближайшее время будет защищать докторское звание в будапештском университете (у профессора Лукинич¹⁵) о венгерско-польских контактах в связи с историей венгерского ордена пиаристов. Нужна бы история польского народа (желательно на немецком языке, так как венгерскоязычные истории недостаточно основательны). Я подумал о Вас, вероятно в Вашем владении имеется такое произведение на немецком языке. — Ежели да, любезно прошу Вас одолжить его мне на два месяца. — Мне хотелось бы оказать услугу названному коллеге, дорогому другу, классному руководителю моего сына.

Гуляш еще не знает по-польски, сейчас по собственной инициативе изучает польский язык, и хотел бы приобрести для себя немецко-польскую грамматику, однако мы не знаем, какая стала бы лучшей для нас с точки зрения самостоятельного обучения. Обращаюсь к Вам с просьбой дать необходимые указания по этому поводу.

При мне Гуляш упомянул, что сейчас в Пешт приехал профессор Краковского университета Ян Домбровский, который, якобы, говорил об обмене венгерско-польских студентов на летние курсы. Поскольку Гуляш после защиты докторской степени желает целенаправленно заниматься польской историей, то прежде всего чувствует необходимость овладеть польским языком, и поэтому хотел бы каким-либо образом примкнуться к готовящемуся к осуществлению культурному студенческому обмену, чтобы — будучи человеком бедным — или полностью бесплатно, или за умеренную плату принять участие в краковских летних курсах.

Прошу Вас, милостливый сударь, будьте так любезны сообщить сведения,

касающиеся данного дела. Может быть, Вы смогли бы помочь нам в осуществлении этого замысла?

С нетерпением жду Вашего ответа.

Дебрецен, 27 ноября 1933 г.

ул. Чапо, д. 63

С глубоким почтением, преданный Вашему высокородию
учитель римско-католической средней школы Ференц Воллаи¹⁶.

¹⁴ Literárny archív Spolku Sv. Vojtecha, Trnava. Fasc. 383. № 18.

¹⁵ LUKINICH Imre [Emericus] (1880–1950).

¹⁶ Там же.

29 июня 1938 г. Стрипский хлопочет о визе в Польшу, предоставляемой право на многоразовую поездку сроком на год. Целью поездки он намечает подготовку к изданию путеводителя по Будапешту¹⁷.

В 1939 г. вслед за расформированием и оккупацией Польши Гиадор Стрипский как филолог у себя на родине оказывал действенную поддержку полякам-беженцам, для которых он составил словарик самых обиходных венгерских слов с произношением¹⁸.

Этот соответствующий своей эпохе филологический документ польско-венгерских контактов был более подробно представлен мною на систематически организовываемых в Будапеште конференциях по полонистике¹⁹.

Занимаясь исследованием произведений Гиадора Стрипского, касающихся проблем русинского языка, я попал в Надьсомбат, в Литературный Архив Общества Святого Адальберта, куда после смерти ученого было передано его наследие. Обрывочное, рассеянное по неизвестным местам филологическое наследие Стрипского, с которым долгое время обращались непрофессионально²⁰, представляет собой часть незаконченного рукописного плана венгерско-польского словаря, над подготовкой которого Стрипский работал в 20-е годы XX в²¹.

Факсимиле титульного листа плана словаря в объеме 510 страниц и в картонном переплете представлено в заключении нашей работы. На 1–25 страницах тома в твердом переплете предлагается предисловие (*Przedmowa*) в двух вариантах, 17–25 страницы остались пустыми. На 26–501 страницах Стрипский поместил изданный в Вене венгерско-немецкий юридический словарь-опус Вильмоша Ревеса²², разрезав его страницы пополам и наклеив их на поля письменного листа размером A/4. Возле некоторых немецких слов Стрипским были вписаны их польские значения, или же новые слова и словосочетания, не указанные в венгерско-немецком специальном словаре. Необходимо отметить, что Стрипский раскрыл лишь часть значений венгерских заглавных слов. Возможно, что в процессе своей переводческой деятельности он обогащал, исправлял словарный материал, однако так и не смог начать методичную, систематическую работу над словарем. Подобное предположение подтверждают следы различных чернил, карандашей на

¹⁷ Там же.

¹⁸ *Hiador SZTRIPSZKY*, Słowniczek najniezbędniejszych słów węgierskich dla Polaków z wymową – A legszükségesebb magyar szavak szótára lengyelek részére, kiejtéssel. Budapest: Aczél Testvérek, 1939.

¹⁹ UDVARI István, Adatok Sztripszky Hiador késői alkotói korszakához. Magyar szavak szótára lengyelek részére (1939); Vörösmarty Mihály: Szózat c. költeményének ruszin fordítása. In: Polono-Hungarica, VIII. Nyelvészeti-Irodalom-Történelem-Kultúrtörténet. Szerk.: Bańczerowski Janusz. Budapest 2000. 361–378.

²⁰ См. подробнее об этом: Sztripszky Hiador nagyszombati hagyatékának bibliográfiái vonatkozású adatai: Könyv és Könyvtár 21 (Debrecen 1999) 265–283; англ. резюме: 283–284.

²¹ Literárny archív Spolku Sv.Vojtecha.Trnava. Fasc. 383. № 1.

²² Cp.: RÉVÉSZ Vilmos, Jogi műszótár: I. Magyar-német rész. Wien 1910.

страницах плана словаря. Сканирование, исследование плана венгерско-польского словаря осложняется тем обстоятельством, что большинство его данных — польские значения венгерских слов — Стрипский записывал на листы бумаги карандашом. Вышеотмеченные предположения могут быть подкреплены и тем фактом, что на страницах 502–509 под заголовком «Грамматика» находим лишь несколько paradigm, а также несколько образцов официальных документов (медицинская справка, справка о несудимости) на польском языке. 510 страница носит заголовок «Сокращения», однако она тоже осталась пустой.

Поскольку Стрипский, как активно практикующий переводчик, повседневно пользовался польским языком в его устной и письменной формах, польские данные плана словаря могут представлять интерес для исследователей польского канцелярского языка в период между двумя мировыми войнами.

Как переводчик Стрипский глубоко ощущал ту необходимость в словаре в повседневной работе, а как филолог он понимал, что хороший двуязычный словарь — это надежный мост между двумя языками, культурами. Дальнейшие исследования помогут выяснить, по какой причине он не продолжил начатое строительство этого моста.

Ниже мы приводим предисловие (*Przedmowa*) в объеме пяти печатных страниц на польском языке, содержащее рукописные поправки Стрипского, и принадлежающую также перу Стрипского рукопись работы в 15 страниц, помещенную автором между главами плана словаря, под заглавием «*História węgierska o słowniku polskim*».

Мы убеждены, что оба источника являются интереснейшим документом своей эпохи, которые, хочется надеяться, обратят на себя внимание филологов-полонистов и всех интересующихся историей венгерско-польской лексикографии.

В предисловии Стрипский задается вопросом, какова причина того, что вопреки тысячелетним венгерско-польским связям до сих пор не появился венгерско-польский словарь. Причиной данной ситуации он считает объясняемую лишь современностью посредническую роль немецкого языка. В средневековые сыны двух народов естественным путем, в ходе непосредственных контактов учились языку друг у друга. В этом процессе учебы на помощь им приходила изданная в 1527 г. в Кракове книга по грамматике Яноша Сильвестера Эрдёши. Стрипский очень верно подчеркивает значение города Кракова и Краковского университета, венгерские студенты которого способствовали процессу заимствования венгерских слов в польский язык. В предисловии говорится об одинаково владеющих как словацким, так и венгерским языками дворянах Верховины, также сыгравших посредническую роль в венгерско-польских контактах.

Свой словарь, подготавливаемый к намеченной дате 1927 г., Стрипский признает первым венгерско-польским словерем²³.

Работу «História węgierska o słowniku polskim» Стрипский написал после 1944 г. Этот факт однозначен потому, что в этом историческом обзоре есть глава под заголовком «Период войны (1939–1943)»²⁴. Глава не была разработана автором. Это тесно связано с судьбой польского словаря, вступлением к которому Стрипский посвящал свою работу. Из упоминаемой работы выясняется, что автор подготавливал ее для предисловия к польско-венгерскому словарю филолога русиниста и полониста Яноша Гарайды. О трагической судьбе польско-венгерском словаре Яноша Гарайды у нас имеются сведения также из других источников, подтверждаемые словами Стрипского: «Обстоятельный объем словарь Гарайды открывает широкие пути перед поляками и венграми для духовного соприкосновения, в области венгерско-польских социальных, научных контактов и способствует укреплению дружеских уз, связывающих два братских народа».

Учитывая то обстоятельство, что деятельность Яноша Гарайды осталась для славистов почти неизвестной, мы считаем необходимым коротко сообщить о его жизненном пути, деятельности в области полонистики, органической частью которой является утерянный или где-то скитающийся польско-венгерский словарь.

Янош Гарайда родился 29 января 1905 г. в с. Заричово (Drugetháza) комитата Унг. Его отец, директор школы после образования Чехословакии не дав присягу, требуемую от государственных служащих, переселился в Секешфехервар. Здесь в 1924 г. Гарайда сдал экзамены на аттестат зрелости при записи на юридический факультет в Будапештский университет им. Петера Пазманя. Будучи студентом университета, он регулярно посещал уроки Яноша Мелиха²⁵. После защиты диплома юриста в 1928 г. при ходатайстве Антония Годинки, одного из первых венгерских славистов, он получил стипендию на факультете гуманитарных наук Университета им. Елизаветы (Erzsébet Egyetem) в Пече²⁶. В 1930 г. Я. Гарайда уже в Кракове, где он, получая стипендию от польского правительства, ведет исследования по истории венгерско-польских контактов. В приобретении краковской стипендии ему снова оказал помощь замечатель-

²³ Первый венгерско-польский словарь вышел в свет позже, см.: KOROMPAY Manó, Pierwszy słownik węgiersko-polski [i] Polsko-węgierski. Warszawa 1936.

²⁴ Выражаю свою благодарность дебреценскому полонисту Чабе Ковачу и господину лектору д-ру Мирославу Рискевичу за бескорыстную помощь, оказанную в прочтении трудночитаемого польского ксерокопированного текста.

²⁵ Philip MICHAELS, Ivan Harajda (1905–1944): Carpatho-Rusyn American. 20/1 (1997) 2–3; Paul R. MAGOCSI, The Shaping of National Identity: Subcarpathian Rus'. 1848–1948. Cambridge, Mass.–London, 1979. 305; W. BACZKOWSKA, Jan Janos Harajda: (1905–1944) — Wyrok na Uniwersitet jagielloński 6 listopada 1936. Kraków 1989. 164; Й. О. Дзендерівський I. A. Гарайда як філолог: Acta Hungarica 7–8 (Ungvár–Debrecen 1996–1997) 144–167.

²⁶ О проведенных в Пече годах Антония Годинки см.: MEDVE Zoltán, Hodinka Antal pécsi évei: Hodinka Antal emlékkönyv. Szerk.: Udvari István. Nyíregyháza 1993. 67–87.

ный Антоний Годинка²⁷. Гарайда выполнил перевод книги Дьёрдя Балани «История венгерской нации» на польский язык²⁸. В Ягеллонском университете Гарайда принимает участие в постградуальной подготовке, а в 1934 г. он получает магистерскую степень по истории. С 1935 г. преподает венгерский язык в Краковском университете. В Кракове активно подключается к деятельности Польско-венгерского общества дружбы, переводит с польского языка на венгерский и с венгерского на польский, и интенсивно работает над созданием польско-венгерского словаря. 9 ноября 1939 г. Гарайда был интернирован гитлеровцами. По ходотайству венгерского правительства был отпущен на свободу весной 1940 г. По возвращении в Венгрию в 1941 г. становится главным директором Закарпатского научного общества²⁹. 27 ноября 1944 г. по ложному обвинению Гарайда был арестован советскими властями и подвергнут пыткам. 13 декабря он скончался в тюрме от «сердечной недостаточности».

В 1941–1944 гг. Гарайда был редактором трех периодических изданий Закарпатского научного общества: «Зоря», «Литературна недѣля» и «Руська молодежь». Это были журналы высокого уровня как с языковой, так и с научно-содержательной точки зрения. Гарайда нес ответственность за выполняющие функцию русинских академических изданий серии выпусков: «КТТ Народна библиотека»³⁰, «Литературно-наукова библиотека»³¹, а также «Диточа библиотека»³². На страницах журнала «Зоря» появлялись статьи, книжные рецензии Гарайды по полонистике³³. В списках книг, посыпаемых им в редакцию, можно встретить много книг с польским заглавием. Польские связи Гарайды четко освещает тот факт, что книги, изданные в Будапештской Польской библиотеке, почти все без исключения можно найти в его списке книг. В опубликованном в 1944 г. на страницах «Литературной недѣли» материалах к словарю иностранных слов в русинском языке³⁴ он опирается в первую очередь на польские произведения по лексикографии.

Возвращаясь к польско-венгерскому словарю Гарайды, отметим, что согласно критической литературе, главным его источником явилось третье изда-

²⁷ О более позднем сотрудничестве и контактах Годинки и Гарайды см.: Hodinka Antal emlékkönyv. Nyíregyháza 1993. 72, 402, 417.

²⁸ BALÁNYI J. Historija narodu węgierskiego. Przetłumaczył Janusz Harajda. Budapest 1933.

²⁹ Председатель Закарпатского Научного Общества Антоний Годинка стал академиком. О закарпатском Научном Обществе и роли Годинки в его деятельности см.: CSATÁRY György (szerk.): Зоря–Hajnal. A Kárpátaljai Tudományos Társaság (1941–1944). Beregszász–Budapest 1995; Капраль М. Русинская периодика Подкарпатской территории Венгрии (1941–1944): Papp Ferenc akadémikus 70. születésnapjára. Debrecen 2000. 314–320.

³⁰ В серии было издано более чем 30 томов на русинском языке.

³¹ В серии было издано более чем 30 томов на русинском и венгерском языках. В серии вышло в свет произведение А. Игната «Русские войны Иштвана Батория. Ужгород 1942.

³² В серии было издано 12 книг на русинском языке.

³³ Ср.: HARAIDA János, III. Béla és II. Endre halicsi politikája: Зоря–Hajnal 3 (Ungvár 1943) 119–176; Он же, Divék Adorján, Az aranybullá hatása a lengyel jogra: Зоря–Hajnal 2 (1942) 217–218. Он же, Szekfű Gyula, A Magyarország és szlávok: там же, 476–488; Он же, Nyári Pál, A krakói egyetem és magyar diákjai a XIV–XVI században: там же, 492–493; DIVÉKY Adorján, Historia Wegier: Зоря–Hajnal 3 (1943) 580–582.

³⁴ Ср.: Причинки до словаря чужих слов: Литературна Недѣля 4 (1944) №№ 15–25; ср.: Дзендролівський Й. О. Указ. соч. 149.

ние опубликованного в 1929 г. в Варшаве произведения М. Arcta «*Słownik ilustrowany języka polskiego*»³⁵.

В работе «*História węgierska o słowniku polskim*» Стрипский заново задает вопрос: по какой же причине до сих пор не был создан польско-венгерский словарь? Одну из причин он видит в том, что в Королевстве Венгрии не проживали поляки, которые могли бы стать посредниками между двумя странами, двумя культурами. Большая часть материала настоящей работы была представлена типологической перелтелью венгерско-польского исторического развития. Выражаясь фигурально, можно сказать, что венгры и поляки — народы-близнецы христианской Европы с характерными для близнецовых общими признаками: борясь против турок, а также и татар, оба народа сыграли важную цивилизационную роль в защите христианской европейской культуры; культ Девы Марии также указывает на тождественность двух народов в духовном менталитете. В образе жизни и общественном устройстве поляков и венгров также наблюдаются многочисленные сходные черты. Типологическое родство усугубляется и одинаковой ролью и функцией латинского языка в канцелярской, церковной и просветительской сферах. Упрочнению венгерско-польских контактов способствовали также общие правители. Симпатию двух народов по отношению друг к другу увеличивал и положительный опыт польских эмигрантов в Венгрии и наоборот. В этом месте Стрипский опять подчеркивает значение города Krakowa, его университета, книжного издательства в контактах двух народов. Krakowskiy университет венгерская молодежь называла своей Mekkoy, где насчитывалось 17% проживающей в Bursa Hungarorum венгерской молодежи (1400–1550 гг.).

В своем труде Стрипский касается вопроса о заимствованных венгерских словах в польском языке, упоминает о появившемся в 1527 г. в Krakowе произведении Яноша Сильвестера Эрдёши, высказывает свои замечания об изданной в 1907 г. в Будапеште книге по польской грамматике и вышедшем в свет в 1936 г. в Варшаве словаре Эмануэля Коромпаи. По поводу опубликованной в 1907 г. в серии «*Rozsnyai gyors nyelvmesterei*» венгерско-польской грамматике замечает, что сотрудники польского посольства в Будапеште по этой книге изучали венгерский язык.

³⁵ Дзенделівський Й. О. Указ. соч. 147–149.